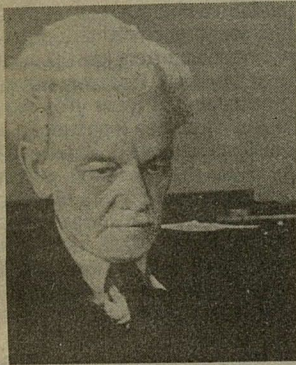

Прыщ прыщу рознь

Непроизнесенная речь А.Б. Гольденвейзера на открытом заседании кафедры теоретико-композиторского факультета Московской консерватории

Александр Борисович сидит сбоку стола, положив ногу на ногу. Он прикрывает глаза ладонью правой руки, левая лежит поперек живота, ее ладонь на правом бедре. Говорит очень размеренно тонким старушечьим голосом, модулируя вверх и вниз в широком диапазоне.

— Я не хотел говорить, но многочисленные требования присутствующих и самого директора Московской ордена Ленина государственной консерватории имени Петра Ильича Чайковского — Александра Васильевича Свешникова — вынуждают меня выступить.

Я хочу использовать эту возможность для того, чтобы еще и еще раз напомнить нашей композиторской молодежи о недопустимости выдавливания прыщей на собственных физиономиях.

Начну с упоминания одной из самых трагических страниц в истории мировой музыкальной культуры. У великого русского композитора Александра Николаевича Скрябина выскочил прыщ, Александр Николаевич не утерпел и выдавил этот прыщ, от чего и умер.

Другой великий русский композитор, Сергей Иванович Танеев, который жил вот здесь неподалеку, в Сивцевом Вражке (в то время извозчик стоил от Страстного до Сивцева Вражка пятацтынный!), пошел хоронить Александра Николаевича, простудился на похоронах и тоже умер. Таким образом, от одного прыща погибли два великих русских композитора. Задолго до этих трагических событий мы с Лёвом Николаевичем Толстым (у него я часто жила в Ясной По-

ляне) имели продолжительные беседы, во время которых многократно обсуждали острую необходимость запретить композиторам выдавливать свои прыщи. Мы неоднократно обращались к правительству Его Императорского Величества с предложением издать специальный монарший указ по вышеизложенному поводу. Как раз в этот период Лёв Николаевич создавал свою замечательную теорию «Непротивления прыщу насильем».

Но реакционное царское правительство ответило отказом, а сам Лёв Николаевич был предан за нее анафеме. Русские композиторы продолжали беспрестанно выдавливать свои прыщи. Последствия известны. После смерти Лёва Николаевича я продолжил проповедь теории «Непротивления».

В недалеком прошлом молодой талантливый композитор М.М., невзирая на мою пропаганду, выдавил свой прыщ и надолго слег в больницу. Можете представить весь мой ужас, когда я позже увидел огромный фиолетовый прыщ на подбородке Р.Щ. Из этого я заключил, что композиторы (неожиданно резко визжит) не понимают! Не понимают всего ужаса подобных деяний!!

Но... прыщ прыщу рознь... Бывают прыщи и прыщи!

Все вы помните, какой ужасный нарыв являл собой формализм на теле советской музыки. Головкой этого нарыва в нашей консерватории был Виссарион Шебалин! (Неожиданный взрыв. Перестав прикрывать глаза, визгливо вопит, наотмашь ударяя себя освободившейся рукой по колену, пронзительные глазки яростно сверкают, все тело дергается.) И я приложил все, все силы, чтобы выдавить! выдавить этот злокачественный прыщ!!! (Стихает.) Что мне и удалось... (Приняв прежнюю позу, совершенно спокойно продолжает.) Верю, что только в наше время, с обретением стиля социалистического реализма, появилась возможность бороться с ужасующим пороком — «Сопротивлением прыщу насильем»...

Я произнес эту речь на студенческой вечеринке в 1949 году.

Николай Карен

— Скажите, пожалуйста, почему не выставлены рафаэлевские «Святое семейство», «Мадонна с молодым Иоанном Крестителем», «Мадонна со щегленком», большой «Святой Георгий, поражающий змея»? Где обе «Данаи» Тициана и его же «Венера перед зеркалом»? Где «Венера» Веласкеса? Где два больших распятия Рембрандта?

Перечислил еще несколько главных эрмитажных полотен. Она строго смотрела на меня и не отвечала.

Я продолжил:

— Понимаете ли, я с детства знаю эти работы по книгам, знаю, что они находятся в Эрмитаже, и много лет мечтал их увидеть. Наконец приехал в Ленинград и вот теперь не нахожу их!

Очень тихо и медленно она произнесла:

— Вы что, прикидываетесь?

Я произнес довольно длинную тираду о своем желании увидеть исчезнувшие полотна и, загибая пальцы, вновь перечислил интересовавшие меня работы. В конце тирады предположил, что живописная коллекция Эрмитажа, лишившись этих полотен, теряет главенствующее положение среди мировых живописных коллекций.

Она наконец поверила в мою искренность.

— Так, значит, вы не знаете! Вы не знаете, что 30 живописных работ, которые составляли главную славу Эрмитажа, были в 29-м году обменены на партию американских тракторов. Через 2 года все эти тракторы сгнили в колхозном поле!

— Сил я Игорь! Сориентируйся!

— А вы сами на какую рассчитываете?

В то время в оплате музыки балетов существовало четыре категории: пять тысяч рублей, четыре, три и две тысячи.

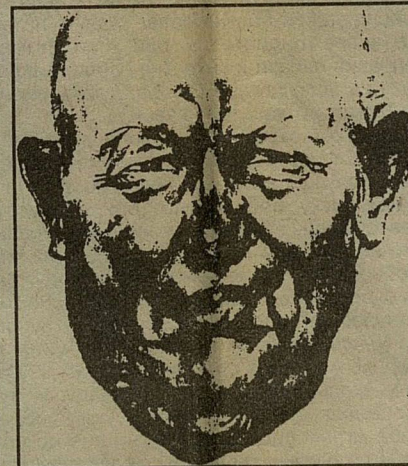
И тут я совершил ошибку:

— Ну, я понимаю, я не Кабалеvский... Наверное, мне можно заплатить четыре тысячи...

— А вот я думаю, что вам надо заплатить... — он выждал паузу, — две.

— Игорь Георгиевич! Побойтесь Бога! За три года работы — в два раза меньше зарплаты дворника!

— Ну что ж, давайте посчитаем. — Он раскрыл ладонь левой руки и начал правой загибать пальцы левой. — Вы сами говорите, что вы не Кабалеvский, — четыре тысячи; вы написали балет на сюжет Гофмана, а не на современную тему, — мы вас за это штрафует на тысячу рублей — уже три; наконец, решение комиссии было отнюдь не еди-

— Андрей Дмитриевич, я хотел бы выяснить у вас, насколько правдоподобна похожая на анекдот история, которую мне недавно рассказали, — спросил я у А.Д. Сахарова, когда встретил его у Галича.

Андрей Дмитриевич согла-

Хрущев Луны не пожалел

сился послушать. Я поведал:

— Якобы летом 64-го года Н.С. Хрущев вызвал к себе главу атомного проекта и якобы потребовал у него следующее:

— Сегодня мы имеем преимущества в вооружениях и потому должны показать американцам, на что мы сегодня способны. Для этого предлагаем вам взорвать на Луне водородную бомбу мощностью в сто пятьдесят мегатонн.

Глава проекта обомлел.

— Но это невозможно! — заволокнул он.

— Почему?

— Видите ли, Никита Сергеевич, Земля и Луна составляют

устойчивую астрономическую пару. Масса Луны в шесть раз меньше массы Земли, и можно предположить, что в результате взрыва подобной мощности Луна расколется на части!

— Ну и х.. с ней, пусть колется!

— Но в этом случае равновесие астрономической пары нарушится, и Луна сойдет со своей орбиты!

— Ну и х.. с ней, пусть сходит!

— Мы очень рискуем, так как в результате нарушения этого равновесия может измениться наклон земной оси.

— Ну и х.. с ней, пусть меняется!

— Но при резком изменении наклона земной оси в океанах образуется гигантская приливная волна, и она на некото-

— Какой фильм, Дмитрий Дмитриевич?

— Так сказать, «Твой современник», вот, «Твой современник»?

— Видел, Дмитрий Дмитриевич.

— Очень интересно, что вы скажете, что вы скажете, очень интересно!..

— Ну, я не знаю, Дмитрий Дмитриевич! Наверное, вам его смотреть будет скучно...

— А почему, так сказать, почему?

— Дело в том, что главным героем в этом фильме является некий газ «каэтан», а нравственные истины, утверждаемые в нем, не выйдут за

рамки тех, о которых нам всем мамы в детстве говорили: не воруй, не лги, уважай старших...

— Это замечательно! Это замечательно! Как раз сейчас, так сказать, настало, настало то время, когда это надо, так сказать, надо повторять. Должно быть, замечательный, так сказать, замечательный фильм. Обязательно пойду, обязательно, так сказать, пойду посмотрю!

Щедрый на поздравления

Поднимаюсь по лестнице Большого зала консерватории. Навстречу, по другой стороне широкого лестничного марша, спускается А.И. Хачатурян. Завидя меня издали, он энергично пересекает лестницу по диагонали, хватая мою руку двумя своими, трясет и с величайшим воодушевлением восклицает:

— Поздравляю вас, Николай Николаевич! Поздравляю от всей души!

— А с чем, Арам Ильич?

— ??.. А разве не с чем?

— Абсолютно не с чем!

— А мне сказали, что вас нужно поздравлять...

Чудны дела Твои, Господи!

Церковные хоры для фильма «Бег» были написаны со скоростью для меня невероятной — за полтора дня. Я фиксировал звуки почти не задумываясь.

Алов и Наумов, всегда принуждавшие меня делать три или четыре варианта, на сей раз, сияя, словно розочки, мгновенно приняли хоры и сразу же отослали меня для их утверждения к музредакторше.

Музредакторша, во все времена моего существования на «Мосфильме» тихо меня ненавидевшая, с заметной радостью тут же утвердила хоры. Теперь подошла очередь «церковного» консультанта.

Консультант, регент храма на Ордынке, ос-

тался весьма доволен и, не теряя времени, за- казал мне еще один хор — уже для себя, оговорив, однако, что нынешняя церковь за подобную работу не заплатит: нет статьи расхода. «С Господом считаться не должно», — ответил он.

Исполнение предложили главному хормейстеру Большого хора Всесоюзного радио Клавдию Борисовичу Птице. Прослушав музыку, Клавдий Борисович, плача, бросился меня обнимать.

Ноты отдали в расписку. Голоса расписали за два дня. Когда я эти голоса получил, то был просто поражен — их как бы напечатали от руки и заглавные буквы имели вид старинных букв.

Клавдий Борисович собрал шестьдесят лбов.

Десять репетиций эти грубые мужчины сидели так тихо, что было слышно, как мухи летают. Когда они в первый раз спели «Погребальный» хор, я увидел, что половина из них вытирает слезы.

Никак не могли найти солиста для исполнения партии дьячка. На записи, совсем отчаявшись, Клавдий Борисович приказал мне: «Идите к микрофону!» Я пошел, и впервые в жизни у меня появился голос, которого отродясь не было, — сразу же после записи голос исчез.

Когда все закончилось, ко мне приблизился парторг хора и с надеждой в голосе спросил: «Николай Николаевич... а у нас еще такой работы не будет?..»

И не простить, и не описать

Мы провели с Галичем наедине почти весь день, и положенные две бутылки были выпиты. Но ему почему-то не хватило и, оставив меня в своей болшеvской комнатенке, он, взяв гитару, отправился бродить по соседям и «добавил еще», расплачиваясь исполнением песен.

Вернулся он в том состоянии, в котором даже самые элементарные охранительные рефлексы уже не срабатывали. С порога, еще не успев закрыть дверь, он очень громко, на весь коридор закричал:

— Колька! Мы великая страна! Ни в одной стране мира не оценивают поэзию так, как у нас! У нас за стихи можно получить пулю!.. И я им не прошу! — Его голос, от природы обладавший глубокими унтертонами, начал переходить в какое-то жуткое, грозное рычание. — Я им не прошу ни Марину, ни Мандельштама, ни Заболоцкого! А ты знаешь, как умер Хармс? Это был робкий, тихий человек. Он никого никогда и ни о чем не просил. В начале войны они забыли его в камере, и он там тихо умер от голода!.. Я не прошу ни ни Введенского, ни Олейникова, ни Пастернака! Не прошу! Не прошу!!

Саша бросился на свою койку лицом вниз, и в его рычащем крике были слышны рыдания...

И я не могу описать, не могу!.. Я не могу описать это!